

всей очевидностью свидетельствовало о том, что уже в конце XVI столетия засеянная новыми семенами нива — Казанский край — принесла достойный плод. По замыслу Творца именно иконе «Богоматерь Казанская» суждено было буквально через несколько лет стать знаменем народного ополчения Минина и Пожарского, спасшего в 1611 г. Москву от иноземцев. Кроме пелены в этом разделе были представлены и произведения, связанные с памятью о первых святителях Казанской архиепископии — Германе, Гурии и Варсонофии, в том числе такой редкий предмет, как сохранившаяся до наших дней архиерейская шапка святителя Германа, основателя Успенского собора Свияжска.

Немаловажную роль в восприятии представленных на выставке произведений сыграла их «достойная оправа» — строгий и тактичный дизайн, созданный Агнией Стерлиговой, который точно выбранным цветом, фактурой, чистотой линий и соразмерностью пропорций, подчеркнул и колористическое богатство произведений, и их композиционное совершенство.

Проходившая с марта по июнь 2018 г. выставка пользовалась неизменным вниманием ценителей древнерусского искусства. Но особенно приятно, что красота иконописи была оценена и молодым поколением современных художников. Приведу полностью отзыв, оставленный в социальных сетях будущим художником-постановщиком, студенткой Всероссийского государственного института кинематографии Ксенией Бондаренковой: «Сейчас в инженерном корпусе ГТГ проходит уникальнейшая Уникальнейшая!! выставка „Сказание о граде Свияжске“. Иконы невероятной Красоты и Силы. Воздействие колоссальное и словам не поддается. К посещению — обязательно!!! Успейте!... Чистота звука икон недостижима. Недостижима сила Цвета, цветовых отношений. Недостижима сила Света. Очистительное. Резонирующее. Будто единственно истинное. Немыслимой глубины зеленые, колокольчики алых, густое ровное золото, нежнейшие розовые... Ангельская песнь... С этого момента шелуха недопустима».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Т.Е. Самойлова — ГТГ, Москва. tsamol@mail.ru

АУТОР

Tat'iana E. Samoilova — The State Tretyakov Gallery, Moscow. tsamol@mail.ru

Запечатлевшие историю: византийские и древнерусские печати из частных собраний

На выставке под этим названием, проходившей в музее имени Андрея Рублёва в 2018 г., впервые были показаны вислые свинцовые печати (*моливдовулы*, или *буллы*) V–XIV вв., владельцами которых являлись представители мирян и духовенства, в основном из высших слоев и привилегированных социальных групп средневекового общества. Это событие, само по себе знаменательное — подобной выставки в Москве доселе не бывало, — может стать весомым поводом к разговору о ярком феномене византийской культуры, значимость которого подтверждается хотя бы числом сохранившихся экземпляров булл — около 80 000. В совокупности они образуют уникальный корпус исторических источников, изучением которого более полутора веков занимается сфрагистика (от греч. *σφραγίς* — печать). Сфрагистические исследования позволили не только восстановить формы бытования самих печатей в Византии и Древней Руси, но и пролить свет на многие аспекты жизни их социума.

Историческое бытие народов способно запечатлеться по-разному, но наиболее прочно его след сохраняют памятники изобразительной и письменной культур. Удивительный симбиоз этих двух даров цивилизации представляют византийские подвесные печати, некогда призванные удостоверить подлинность и обеспечивать конфиденциальность письменных документов. Образом и словом византийцы утверждали свое присутствие в мире, который был создан Божественным Словом и хранит Образ своего творца. Идеальной иконой им представлялся оттиск штемпеля в металле, точно воспроизводивший оригинал. «Одно — печать (зд. матрица, штемпель. — М.Б.) и другое — отпечатанное изображение. Однако и до отпечатывания отпечаток [находится] на печати. Печать, однако, была бы недействительной, если бы не имела отпечатка на каком-либо веществе. Соответственно, и Христа пришлось бы признать недействительным и недействительным, если бы он не был видим в изображении искусства» [Феодор Студит, III 4,9]. Примеры подобной рефлексии помогают лучше представить тот религиозно-культурный контекст, который неизменно сопровождал изготовление и функционирование вислых печатей в Византии.

Процесс их получения, на который ссылается Феодор Студит, не был сложным. На паре металлических штемпелей, соединенных в буллотирый-пломбирёр, вырезались зеркальные изображение и текст, которые затем оттискивались на обеих сторонах заготовки печати — плоском свинцовом кружке, составленном из двух половин, с каналом для пропущенного между ними шнура. Документ невозможно было развернуть для прочтения, не сорвав при этом печать; последняя становилась, таким образом, гарантом подлинности самого послания и сохраненной тайны переписки. Защитную функцию моливдовула

поддерживало и с помощью высших сил преумножало его оформление, в котором соединялись визуальный образ и надпись-легенда, зачастую принимавшая форму инвокации.

Очень рано, уже в VI в., на содержание сфрагистических типов начинает влиять культ святых, выразившийся в росте иконопочитания и массовом тиражировании религиозных поклонных образов. От этого и последующих столетий сохранились тысячи печатей с изображениями Спасителя, Богородицы или же святых, обычно соименных владельцу буллы, на лицевой стороне. Вынесенное на оборот имя владельца, часто с его титулом и/или должностью, включалось в состав констатирующей либо инвокативной легенды; рост популярности последних свидетельствовал о наделении сфрагистических образов функциональным иконоподобием. Своеобразными полюсами этого содружества «на равных» ликов и текста выступали аниконические печати с легендой в виде разнообразных монограмм или строчных надписей, переходящих с одной стороны на другую, и печати только с изображениями святых без упоминания владельца буллы.

Особый интерес представляет развитие и смена типов изображений на печатях, т.к. массовый материал, который предоставляет сфрагистика, создает условия для статистических исследований, показывающих, в частности, сравнительную популярность тех или иных образов (Богородицы, святых и т.д.), предпочтение, отдаваемое определенным типам иконографии, степень их распространенности на разных территориях Византийской империи по временным периодам. Исследование Дж. Котзониса [Kotsonis, 2005] показало, что на пике раннего иконопочитания (рубеж VI–VII вв.) лишь менее 30% печатей было украшено святыми ликами, и это соотношение вновь было достигнуто только в X в. (28–29%), после чего неуклонно менялось в пользу фигуративных решений. Точно так же изображение креста, распространившееся в византийском искусстве во времена иконоборчества (726–843 гг.), задержалось на печатях до конца X в.

В целом же изобразительная тематика моливдовулов подчинялась общим закономерностям развития византийской религиозно-художественной культуры. Иконографические типы, в которых образы Христа, Богородицы (*Одигитрия*, *Никопея*, *Знамение*), святых были запечатлены на иконах и фресках, использовались и в сфрагистике. Особенную близость обнаруживают между собой изображения на печатях и монетах, что объяснимо общностью целеполагания и среды обращения этих предметов, не говоря уже об их форме и материале (металл). Императорские моливдовулы подчас точно копируют монеты, демонстрируя один и тот же освященный высшей религиозной санкцией образ самодержавной власти (напр., печати и золотые номизмы Константина X и Романа IV, бывшие представленными на выставке).

И аниконические, и иконические печати могли нести как утвердительную, так и инвокативную легенду с молитвенным воззванием о помощи ко Христу, Богородице либо святому покровителю владельца буллы. Формульные обращения, большинство которых начинались словами «Богородица, по-

моги», встречаются на печатях уже в VI в., сначала в виде монограмм, затем все чаще в составе круговых или строчных надписей. Начиная с XI столетия использовались метрические (двенадцатисложные) стихотворные тексты, как правило, такого же просительного содержания, но порою принимавшие вид безадресных, хоть и витиеватых посланий, напр.: «Железо на свинце печатает стихи / Быстрее черной жидкости и пера». Сложносочиненные легенды, с использованием игры слов и стихотворной метрики, наглядно демонстрируют распространенность книжной грамотности в византийском обществе.

Всех владельцев печатей можно разделить на две большие группы со своей внутренней иерархией — миряне и духовенство. Отдельно стоит рассмотреть императорские и патриаршие буллы, в средне- и поздневизантийский периоды (X–XV вв.), выделявшиеся особенной репрезентативностью. Императорскими моливдовулами запечатывались не личные послания византийских правителей (для этого были золотые хрисовулы), но документы, от имени василевса рассылавшиеся его аппаратом. Патриаршие хрисовулы неизвестны, но моливдовулы, подобно царским, также удостоверяли официальные послания главы византийской церкви, подготовленные ее секретариатом. Привилегией императорского статуса являлись лик или фигура Спасителя, крайне редко использовавшиеся на иных печатях, и подписные портреты владельцев, погрудные или в полный рост, со всеми регалиями власти, как на золотых монетах; инвокативная легенда призывала Христа в личные помощники василевсу. Патриаршие моливдовулы с XI в. несли изображение тронной Богородицы с Младенцем на руках, воспроизводившее прославленный мозаический образ в алтаре храма Св. Софии Константинопольской. Такова бывшая на выставке печать патриарха Матфея I, попавшая на Русь в начале XV в. вместе с грамотой при посланных из Византии «иконах чудных, и мощах святых».

По своему внешнему оформлению печати светских и духовных лиц мало чем различаются между собой: те же образы святых на лицевой стороне и легенда, сообщающая о принадлежности моливдовула владельцу либо содержащая его призывную молитву к Господу, Богородице или святому, на обороте.

Но именно в легендах моливдовулов огромного числа светских лиц получила отражение сложнейшая структура византийского общества с его градуированной «табелью о рангах». В апогее своего развития (X–XII вв.) византийская бюрократическая машина насчитывала множество звеньев, с чинами и должностями в центральном и провинциальном аппаратах, о функционировании которых можно судить по данным сфрагистики. С административно-территориальным делением страны связано обилие топонимов, которые на моливдовулах, в соединении с названиями должностей в провинциальной администрации, стали надежными информаторами об организации государственного управления на местах, росте и сокращении имперских владений из века в век.

Положение византийца в обществе, наряду со степенью на служебной лестнице, закреплялось почетными званиями, дарованными царем. Сложная иерархия титулов возникла еще в позднеримской империи (многие из них до XI в. сохранили свое латиноязычие — *патрикий*, *магистр*, *новеллссим*) и была

преобразована при Алексее I Комнине (1081–1118). Именно тогда появились титулы, произведенные от греческого эпитета *sevast* («почетный, священный») — *севастократор*, *протосеваст* и др., сохранившиеся до конца существования империи.

Продвижение по карьерной лестнице влекло за собой новые комбинации постов и званий, что немедленно отражалось на печатях их обладателей. Для этого изготавливались все новые штемпели, и таким образом возникали уникальные «цепочки» моливдовулов, позволяющие восстановить послужные списки (*cursus honorum*) конкретных чиновников, тем надежнее, что помимо личного имени владельца на печати нередко указывалось его родовое (фамильное) прозвище (начиная с XI в.). Последнее сделало возможным проведение исследований, касающихся истории отдельных византийских родов, их статуса, успешности на государственной или церковной службе.

Столь же ценными остаются печати византийских церковных иерархов с именами предстоятелей тех или иных кафедр, которые либо подтверждают сведения письменных документов, либо становятся единственными источниками этой информации, обогащая исследователей данными по церковной истории Византии.

Наравне с византийскими на выставке были представлены печати Древней Руси. Древнерусская сфрагистика зарождалась по мере переноса целостных пластов византийского культурного наследия, светского и духовного, на Русь. Отсутствие развитой государственной машины и многоуровневого бюрократического аппарата сказалось в ином соотношении печатей светских и духовных лиц: владельцами первых почти исключительно были князья и очень немногие лица не княжеского звания, причастные к управлению русскими землями (исключение — Великий Новгород), среди вторых были митрополиты, епископы, отдельные монастыри. Лишь в XI–XII вв. древнерусские печати сохраняли тесную связь с византийскими; резчиками штемпелей для них нередко выступали приезжие мастера, использовавшие грекоязычные легенды и византийскую иконографию. Но уже с конца XI в. на Руси появляются собственные типы печатей, а далее вырабатывается собственный стиль, гораздо более условный, нежели тот, что был принят в Византии.

После XI в. количество свинцовых булл начинает сокращаться. Этот процесс растянулся до XV в., когда на смену им окончательно пришли сургучовые и восковые печати. Важнейший этап в истории средневековой сфрагистики завершился практически одновременно с исчезновением самой Византии, память о которой тем не менее в образе и слове надежно запечатлел свинец.

ЛИТЕРАТУРА

Феодор Студит. Трактаты в защиту иконопочитания / *Patrologia Graeca*, t. 99. Париж, 1903. III 4,9.
Kotsonis J. *The Contribution of Byzantine Lead Seals to the study of the cult of the Saints (VI–XII century)*. Byzantion. T. LXXV. Bruxelles, 2005.

REFERENCES

Theodore the Studite. *Adversus Iconomachos. Patrologia Graeca*, t. 99. Paris, 1903 (in Latin).
Kotsonis J. *The Contribution of Byzantine Lead Seals to the study of the cult of the Saints (VI–XII century)*. Byzantion, t. LXXV. Bruxelles, 2005.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

М.Н. Бутырский — Гос. музей Востока, Москва. chalkites@mail.ru

AUTHOR

Mikhail N. Butyrskii — State Museum of Oriental Art, Moscow. chalkites@mail.ru

Ю.Н. Бузыклина

Выставочная деятельность Музея русской иконы в конце 2018 — начале 2019 года

В конце 2018 г. в частном Музее русской иконы открылись две крупные выставки. Первая — «Сокровище вечное. Церковные древности из собрания Анны Васильевны Мараевой», проводимая совместно с Серпуховским историко-художественным музеем, при участии Государственной Третьяковской галереи, Русской Православной старообрядческой Церкви и ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря. Выставка открылась 30 ноября 2018 г. и будет работать до 2 июня 2019 г.

На выставке представлены более ста экспонатов: иконы, меднолитые образы, рукописные книги, графические листы с портретами духовных наставников старообрядцев и даже личные вещи Анны Васильевны — сарафан, рубаха и платок для молитвы, подушечка для чтения книг.

Настоящим открытием и специальным проектом выставки стала икона «Омовение ног» из Серпуховского музея. Образ, имеющий в своей основе живопись XVI столетия, был записан в старообрядческой традиции в XIX в. На сегодняшний момент древняя живопись частично раскрыта — реставрация иконы, приуроченная к выставке «Сокровище вечное», ведется в ВХНРЦ им. И.Э. Грабаря на средства Музея русской иконы. Перед зрителями древний памятник предстанет в процессе реставрации, после чего он вновь отправится в мастерскую для продолжения работы. После ее завершения Музей русской иконы планирует провести еще одну, уже монографическую, выставку этого памятника, на которой процесс можно будет сравнить с результатом. Несмотря на то что реставрация иконы еще не закончена, уже сегодня понятно, что она меняет наши представления о бытовании древних икон в старообрядческой среде. Считается, что под записями старообрядцев практически не остается древней живописи, но в «Омовении ног» мы видим прекрасно сохранившийся